

Кучеренко Александр Владимирович

ВЕРА, ВОЛЯ И ПРАКТИЧЕСКИЙ РАЗУМ КАК ИСТОЧНИКИ МОРАЛЬНОГО ЗАКОНА В ЭТИКЕ КАНТА

В статье рассматривается проблема происхождения морального закона у Канта, являющаяся одной из наиболее сложных и запутанных в кантоведении, поскольку имеет различные варианты решения. Приходится признать, что сегодня у нас нет устраивающего всех указания на бесспорный кантовский источник морального закона. Автор пытается сформулировать и обосновать свою концепцию решения данного вопроса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/27.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. III. С. 120-123. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

POLITICAL NETWORKS THEORY: FORMATION PRECONDITIONS AND PLACE IN MODERN POLITICAL SCIENCE

Aleksandr Vyacheslavovich Kurochkin, Ph. D. in Sociology, Associate Professor
Faculty of Political Science
St. Petersburg State University
alexkur@bk.ru

The author analyzes network approach formation and development in politics and state administration, considers the epistemological and ontological aspects of this process as well as major schools and trends in political science, which most significantly influenced network theory formation and also considers the preconditions of coordination and administration network forms formation in modern political process.

Key words and phrases: political networks theory; decentralization; network communication; political process.

УДК 1

В статье рассматривается проблема происхождения морального закона у Канта, являющаяся одной из наиболее сложных и запутанных в кантоведении, поскольку имеет различные варианты решения. Приходится признать, что сегодня у нас нет устраивающего всех указания на бесспорный кантовский источник морального закона. Автор пытается сформулировать и обосновать свою концепцию решения данного вопроса.

Ключевые слова и фразы: вера; воля; общезначимость; практический разум; моральный закон.

Александр Владимирович Кучеренко, к. филос. н., доцент
Кафедра философии и социально-гуманитарных дисциплин
Курская академия государственной и муниципальной службы
kucherenkoav@yandex.ru

ВЕРА, ВОЛЯ И ПРАКТИЧЕСКИЙ РАЗУМ КАК ИСТОЧНИКИ МОРАЛЬНОГО ЗАКОНА В ЭТИКЕ КАНТА®

Среди источников морального закона у Канта обычно указывают на веру, волю и практический разум. В данном случае они берутся изолированно друг от друга таким образом, как будто бы сами из себя спонтанно порождают нормы морального закона. Наибольшую популярность в нахождении ответа на вопрос об источнике кантовского морального закона имеет законодательствующий практический разум. Данный вариант мог бы претендовать на эту роль, если бы не прямое указание Канта на то, что никакой чистый разум, полагаясь только на самого себя, не способен создать моральный закон. Замалчивание этой убийственной для данного варианта фразы Канта способно на какое-то время создать видимость решения проблемы, но не решить ее по существу.

Вера или воля, создающие закон для самих себя, очерчивают круг в доказательстве, где причина и следствие меняются местами. Такую позицию можно найти у В. Винельбанда (относительно веры) и П. Наторпа (относительно воли).

Как представляется автору, кантовский дуализм в решении вопроса о моральном законе удерживает двойственность значений чувственного и рационального, но здесь проявляет себя чувственность особого рода, не эмпирическая, а непосредственно связанная с интеллигибельным миром универсальных общезначимых норм морального закона, миром ноуменов. Эта чувственность и воздействует на практический разум.

Р. Отто считает недоступной для понимания область священного, в которой расположен моральный закон. «Как таковое священное содержит в себе совершенно своеобразный момент, – пишет он, – ускользающий от рационального, а потому оно <...> само по себе недоступно для *понятийного* постижения» [12, S. 5]. Рациональное осмысление священного, согласно Отто, невозможно, но это противоречит общей концепции Канта.

Примером одного из вариантов монистического решения вопроса о природе морального закона может служить высказывание П. Наторпа, в котором «основания должного или основания того, почему добро есть добро, остается искать лишь в самой воле и в ее собственном внутреннем законе» [10, с. 87].

Другой, наиболее распространенный вариант представляет М. А. Булатов, утверждающий, что моральный закон порожден разумом отдельного индивида. «Но откуда происходит сам закон, – пишет он, – кто является законодателем? <...> закон морали исходит от отдельного индивида, хотя, правда, не из его личного интереса, а из разума, имеющего дело со всеобщим и необходимым, а потому и имеет значимость для всех людей» [2, с. 67]. Итак, моральный закон появляется из интереса чистого разума отдельного индивида ко всеобщему и необходимому. Данную концепцию поддерживает и Г. Н. Гумницкий, доводя ее до полного логического завершения, где моральный закон порождается чистым разумом, потенциально ранее

находившимся в нем самом: «Поскольку Кант выводит мораль “изнутри” чистого разума, именно в последнем должна быть заключена основа морали, и основное моральное отношение должно быть связано исключительно с внутренними свойствами разума» [3, с. 55].

В. И. Красиков, рассуждая о морально-практической сфере, высказывается следующим образом: «Именно здесь разум выступает как законодательствующий разум — законом, который он дает себе, служит нравственный закон» [9, с. 33]. Зафиксируем, что моральный закон находится внутри практического разума, а не вне его, он *создается* им. Но, возможно, закон не *создается*, а *познается* разумом, поскольку сам закон расположен вне чистой формы разума в умопостигаемом мире. Если моральный закон создается практическим разумом индивида изнутри самого себя, то причем здесь тогда общий для всех кантовский умопостигаемый мир универсальных в своем постоянстве и общезначимости моральных норм, к которому приобщаются все индивидуальные разумы?

Благодаря использованию такого понятия, сам Кант определяет соотношение морального закона и практического разума, — рассудок «создает» или «познает» моральный закон? Он пишет, что «понятия *моральные, познаваемые* (*курсив выделен мной — А. К.*) <...> самим чистым рассудком» [7, с. 288-289]. Или несколько далее читаем: «*Нравственная философия*, поскольку она дает первые *принципы суждения, познается* (*курсив выделен мной — А. К.*) только чистым рассудком и сама принадлежит к чистой философии» [Там же, с. 290]. Из высказывания В. Ф. Асмуса «чистый практический разум есть непосредственно законодательствующий разум» [1, с. 13] можно сделать вывод, что чистый практический разум *непосредственно и создает* моральный закон. Но в таких основных работах Канта, специально посвященных этике, как «Основположение к метафизике нравов» и «Критике практического разума» мы при всем желании не найдем у него фразы «практический разум *создает* моральный закон» и даже не встретим ничего подобного по смыслу. Относительно создателя морального закона Кант недвусмысленно высказывается в «Критике способности суждения», где «действительность высшего творца, *создателя моральных законов* (*курсив мой — А. К.*), в достаточной степени установлена только для *практического применения* нашего разума и теоретически ничего не определяет в отношении его существования» [6, с. 299]. Тем не менее, необходимый дуализм между суждениями «практический разум *познает* моральный закон» и «практический разум *создает* моральный закон» следует, на мой взгляд, сохранить. Их сочетание возможно в следующем гипотетическом умозаключении: «практический разум, *познавая* нормы морального закона, расположенные вне его чистой формы, *создает* их понятийные определения, опираясь на требование принципа общегодности, следуя подсказке сердца, в котором он изначально записан Богом». Тем самым мы не нарушим кантовский этический дуализм, сочетающий рациональное и так называемое им «сердечное».

Я. А. Слинин приводит цитату Канта относительно источника нравственного закона, где Канта интересует ответ на вопрос: «“Откуда возникают необходимые условия того достоинства, которое только люди могут дать себе?” Где? Ответ Канта на этот вопрос нам уже известен: в ноуменальном мире, к коему причастны и мы как существа разумные. Именно оттуда исходит голос практического разума в виде категорического императива, в виде безусловного повеления долга» [Там же, с. 173]. Таким образом, разум черпает нравственные нормы из ноуменального, умопостигаемого мира, если мы будем иметь в виду свойство практического разума непосредственно проникать в эту область благодаря идее всеобщего, находящейся в чистом разуме. Как, например, соотносить суждения Канта о том, что практический разум является самостоятельно априорно законодательствующим со следующими его высказываниями. «Если бы этот закон (*моральный — А. К.*) не был дан в нас, — пишет Кант, — мы не могли бы его как таковой выдумать никаким разумом или навязать произволу» [8, с. 276]. Или, например, он высказывается: «Мы мыслим это существо (*Бог — А. К.*) как творца и правителя мира в силу порядка природы и морали, ибо об этих его законах мы можем *непосредственно* (*курсив мой — А. К.*) приобрести знание, которым разум затем может пользоваться для своего собственного применения» [Там же, с. 325]. О чем говорят высказывания Канта, согласно которым Бог «открыл нам свою волю через моральный закон в нас» [Там же, с. 374] или «сам Бог является основателем и творцом *основного закона* (*морального — А. К.*)» [Там же, с. 379]? Не указывается ли здесь, что создателем априорного морального закона является Бог, а человеческому разуму отводится роль лишь познающего этот закон. Опираясь на данные высказывания Канта, мы можем выдвинуть рабочую гипотезу, что моральный закон находится вне разума как объект для его познания. Лишь благодаря имеющейся в разуме архитектонике, воплощенной для этики в идее всеобщего как некоторой вершине, она подчиняет себе все второстепенные по отношению к ней моральные нормы, носящие лишь относительно общий формальный характер.

Следуя представлению Канта, один и тот же моральный закон объединяет Бога как его создателя и человека как того, кто должен ему следовать. «Моральный закон для воли всесовершеннейшего существа есть закон *святости*, — пишет Кант, — а для воли каждого конечного разумного существа есть закон *долга*, морального принуждения и определения его поступков *уважением* к закону и из благоговения перед своим долгом» [5, с. 497].

Моральный закон в этике Канта является своеобразным камнем преткновения для исследователей его творчества и предполагает всего два решения по поводу условий его появления, тогда как характеристика его общего содержания не вызывает разногласий.

Первый вариант определения причины появления морального закона. Он создается законодательствующим чистым практическим разумом человека (значительно реже у исследователей он создается волей, еще реже — верой) и является продуктом исключительно только автономных действий самого разума. В качестве иллюстрации данной трактовки можно привести высказывание В. А. Жучкова: «В “Критике практического

разума» он (Кант – А. К.) показывает, что мораль не только возможна без каких-либо религиозных санкций, но и совершенно автономна и самодостаточна» [4, с. 83].

Второй вариант. Моральный закон не является продуктом деятельности практического разума, поскольку разум его лишь *познает*, понятийно оформляя значения норм закона, и только в силу этого он является законодательствующим разумом по отношению к воле, принуждая ее следовать закону. Сам же закон начертан Богом в сердце каждого человека и в силу этого он всеобщ, дан ему изначально до всякого опыта общения. Только благодаря факту наличия в нас единой для всех нас совокупности норм априорного морального закона, раздваивающего устремления воли в ее автономии, Кант смог постулировать существование Бога как создателя морального закона, а затем и определять его как творца всего мира.

Второй вариант можно подкрепить высказываниями самого Канта.

Бесконечное число раз Кант высказывается в различных вариациях о том, что есть «Бог как моральный творец мира» [8, с. 383]. Здесь ко второму варианту относится утверждение, что Бог является творцом морального закона. Можно ли оставить без внимания мысль Канта о том, что «мораль неизбежно ведет к религии» [Там же, с. 265]? В суждении Канта «чистое моральное законодательство, через которое *воля божья первоначально запечатлена в нашем сердце (курсив мой – А. К.)*, является <...> необходимым условием всякой истинной религии вообще» [Там же, с. 338] мне хотелось бы еще раз подчеркнуть его мысль о том, что моральное божественное законодательство первоначально запечатлено в нашем сердце.

В работе «Нашел ли Кант место для веры, ограничив наше знание?» Д. Н. Разеев высказывается следующим образом: «Есть ряд оснований полагать, что Кант, особенно в своем позднем труде “Религия в пределах только разума”, в известном смысле совершает прямо противоположное движение, ограничивая как-раз-таки веру, вполне возможно, для того, чтобы освободить место для знания» [11, с. 100]. Критика Кантом официальной церкви не должна создавать иллюзорное впечатление, будто Кант имел намерение избавиться от религии или религиозной веры как таковой. Кант действительно в данной работе беспощадно критикует религию, но только религию священнослужителей, где в иерархической системе господствующей церкви над людьми возвышаются властолюбивые лицемеры, исповедующие в своих мыслях и действиях первобытный фетишизм. К указанному фетишизму он относит все ритуальные действия, перечень которых оказывается весьма широким, объявляя это «хламом благочестивых предписаний» [8, с. 404]. В противовес религии официальной церкви он создает так называемую «моральную религию», где человек становится угодным Богу лишь только благодаря следованию божественному моральному закону в нем, и ничем более. Только эту веру и эту религию Кант признает истинной. По мнению Канта, должна иметь место только «моральная религия, которую следует полагать не в формулах и обрядности, но в стремлении сердца к соблюдению всех человеческих обязанностей как божественных заповедей» [Там же, с. 323]. Моральная религия, как полагает Кант, неизбежно придет на смену обманам и самообманам «иллюзорного верования» господствующей церкви. По мере созревания сознания и обретения большей культуры духовной жизни разум человека поможет ему перейти от одной обанкротившейся в религиозных войнах и устаревшей формы веры («дерзкой», «деспотической», «обрядной», «лживой», «произвольной», «корыстной», «суеверной», «слабоумной», «рабской») к прогрессивной и единственно верной («моральной»). Поэтому вряд ли справедливо видеть в работе «Религия в пределах только разума» его борьбу с религиозной верой как таковой и желание ее потеснить знанием. Скорее, наоборот, Кант стремится укрепить веру и сделать ее подлинной, избавившись от лжеучения, что находится в соответствии с сократовским этическим рационализмом и общей идеей Просвещения XVIII века, когда с помощью просветленного разума и самостоятельного мышления человек оказывается способен избавиться от заблуждений и нравственных пороков.

Список литературы

1. Асмус В. Ф. Этика Канта // Кант И. Сочинения: в 6-ти т. М., 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 5-65.
2. Булатов М. А. «Практический разум», философия истории и теория целесообразности // Критические очерки по философии Канта. Киев: Наукова думка, 1975. С. 62-109.
3. Гумницкий Г. Н. Теория морали И. Канта и некоторые проблемы марксистской этики // Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 1977. Вып. 2. С. 53-81.
4. Жучков В. А. Проблема знания и веры в философии Канта // Вера и знание: соотношение понятий в классической немецкой философии / отв. ред. Д. Н. Разеев. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. С. 81-86.
5. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках: в 4-х т. М.: Московский философский фонд, 1997. Т. III. С. 277-733.
6. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения: в 8-ми т. М.: Чоро, 1994. Т. 5. 414 с.
7. Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира // Кант И. Сочинения: в 8-ми т. М.: Чоро, 1994. Т. 2. С. 277-320.
8. Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты. СПб.: Наука, 2006. С. 259-424.
9. Красиков В. И. Архитектоника трансцендентализма // Общечеловеческое и национальное в философии: II международная научно-практическая конференция КРСУ (27-28 мая 2004 г.): материалы выступлений / под общ. ред. И. И. Ивановой. Бишкек, 2004. С. 29-36.
10. Натопи П. Основные начала этики // Натопи П. Избранные работы / сост. В. А. Куренной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 85-100.
11. Разеев Д. Н. Нашел ли Кант место для веры, ограничив наше знание? // Вера и знание: соотношение понятий в классической немецкой философии / отв. ред. Д. Н. Разеев. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. С. 100-107.
12. Otto R. Das Heilige. Über das Irrationale in der Idee des Göttlichen und sein Verhältnis zum Rationalen. Gotha, 1926. 258 S.

FAITH, WILL AND PRACTICAL INTELLIGENCE AS MORAL LAW SOURCES IN KANT'S ETHICS

Aleksandr Vladimirovich Kucherenko, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy and Social-Classical Disciplines
Kursk Academy of State and Municipal Service
kucherenkoav@yandex.ru

The author considers the problem of Kant's moral law origin, one of the most difficult and complicated problems in Kant studies because it has various alternate solutions, emphasizes that today there is no indication to the indisputable Kant's moral law source that would satisfy everybody and tries to formulate and substantiate his own conception of this question solution.

Key words and phrases: faith; will; general significance; practical intelligence; moral law.

УДК 1

Статья посвящена рассмотрению условий формирования представлений о бытии Бога при учете наличия в теологии идеи целесообразности. Стремление представителей феноменологии проникнуть в область чистой формы сознания, обеспечивающей возможность существования идеи Бога, сопоставляется с религиозной концепцией И. Канта.

Ключевые слова и фразы: теология; целесообразность; Бог; феноменология; моральный закон; форма чистого сознания.

Александр Владимирович Кучеренко, к. филос. н., доцент
Кафедра философии и социально-гуманитарных дисциплин
Курская академия государственной и муниципальной службы
kucherenkoav@yandex.ru

**ПРОБЛЕМА АНТРОПОМОРФИЗМА КАК ФОРМЫ ЧИСТОГО СОЗНАНИЯ
В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ[©]**

Противопоставляя свой метод познания чистых форм кантовскому, Э. Гуссерль входит в область чистых идей-эйдосов, основой которых является телеологический принцип всякой разумности в мире. Интересно, что Гуссерль, тем самым, приходит в ходе своих размышлений к тому, с чего Кант начинал свое исследование априорных форм, а именно, с категории причины.

Гуссерль отвлекается от определения бытия Бога, ведя размышления лишь о форме чистого сознания, открывшей возможность для представления о бытии Бога. Но само содержание совокупности таких форм весьма многогранно. Одна только кантовская форма определения бытия Бога до сих пор представляет проблему, вызывающую разночтения среди исследователей.

Х.-Г. Гадамер в вопросе об антропоморфизме относит нас к игровой форме поведения, имеющей свой исток в глубокой древности, проявившей себя в совместных действиях общины на самых ранних ступенях развития человеческого сознания. Гуссерлевский выход в мир эйдосов при исключении действительного мира, расположенного до него, К.-О. Апель считает эксцентричным и аналогичным тому, которое проделывает религиозное сознание, считая мир идей Бога существующим до реального мира.

Гуссерль, рассматривая идею Бога как феномен сознания, определяет его бытие через раскрытие разумом целесообразности мира. «Проблема Бога явно содержит в себе проблему “абсолютного” разума как телеологического источника всякой разумности в мире, – пишет он, – “смысла” мира. Естественно, что и вопрос о бессмертии — это тоже вопрос разума, равно как и вопрос о свободе» [6, с. 24]. Поставив разум перед свободой воли и моральной свободой таким образом, что разум определяет свободу в области этики, Гуссерль нарушает кантовскую последовательность этических значений. Свобода, по Канту, существует до осознания разумом норм морального закона. Согласно его взглядам, свобода должна стоять не на последнем, а на первом месте в процессе нашего вхождения в осознание реальности идей морального закона, а уже затем появляется идея Бога, и только после этого можно говорить о даре Богом человеку бессмертия за сознательное исполнение норм этого закона. Исполнение общезначимых моральных норм осуществляется вопреки природной склонности к себялюбивым удовольствиям, уводящим в сторону от следования указаниям универсального закона.

Телеология в теологии предполагает заданную божеством целесообразность мира. Она также указывает на предопределенность общего смысла существования человека и всего происходящего в его жизни; смысла общечеловеческой истории и ее завершения; смысла всего как будто самостоятельно существующего, предназначенного для служения какой-либо ближайшей или отдаленной цели. Обязательность присутствия